

В. Н. Семёнов, Н. Н. Семёнов

С А Р А Т О В
КУПЕЧЕСКИЙ

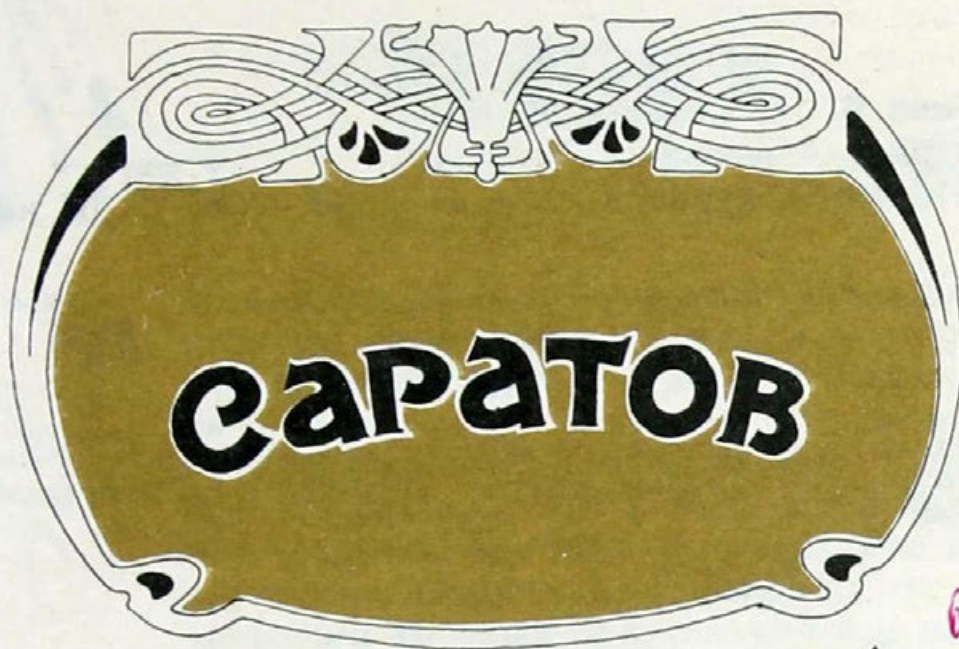
Издательство журнала

«Волга»

05

05.304
С30

В. Н. Вемёнов, Н. Н. Вемёнов

КУПЕЧЕСКИЙ

03

97

41321-1 ✓

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

БАЛАКОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов

Издательство журнала «Волга»

1995

ББК 63.3(2Р—4Са) Издание выпущено по федеральной программе
С 30 книгоиздания России

Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н.
С30 Саратов купеческий.— Саратов:
Издательство журнала «Волга», 1995.— 352 с.: 68 илл.

Эта книга рассказывает о купцах — промышленниках и коммерсантах старого Саратова, о вкладе, который они внесли в развитие родного города и России.

С $\frac{1805080000-1}{M-794(03)-95}$ Без объявл.

ISBN 5-85884-021-3

- © В. Н. Семёнов,
Н. Н. Семёнов, 1995
- © Составление,
Издательство журнала
«Волга», 1995
- © Художественное
оформление,
А. Ю. Богатов, 1995

Страницы истории

Торгово-предпринимательской деятельностью испокон веков был славен наш волжский город. Основанный в 1590 году как сторожевая крепость на великом волжском пути, Саратов очень недолго выполнял чисто военное назначение. Здесь находился гарнизон, оберегавший торговые и посольские караваны судов, следующих к Каспию, от посягательств и кочевых орд, рассеянных по волжским низовьям, и воровских казаков с недалёкого вечно мятежного Дона. Но само по себе расположение поселения на берегу богатейшей рыбной житницы было уже чрезвычайно многообещающим, ибо сулило по сути неконтролируемый доступ к выгодам рыбного промысла и торговли. И ещё долго сохраняя военно-административное значение, Саратов всё более и более становился местом энергичного купеческого предпринимательства, первым «интересом» которого стала рыба. Ведь Россия не имела практически выходов к морям, а потому не имела и другого такого источника рыбы, как Нижнее Поволжье. Вот почему сразу же за покорением Казанского (1552 год) и Астраханского (1556 год) ханств русские проявили огромную устремлённость развернуть волжский рыбный промысел — и казна, и монастыри, и купцы.

Первоначально привлекала добыча самых ценных рыб — осетра, белуги, стерляди, севрюги, а также получение из них икры и рыбьего клея. Позже, в XIX веке, отлавливать стали и частичковую рыбу — судака, сома, сазана, воблу и другую.

Остаётся невыясненным характер и размах предпринимательской деятельности в первом, недолго просуществовавшем правобережном Саратове, но она, несомненно, была, несмотря на тяготы первопоселенческого бытия и «смутное время», пришедшееся на ранние годы Саратова. Трудно представить себе, чтобы даже в этих труднейших условиях саратовские жители равнодушно взирали бы на находившиеся под боком богатства реки.

А вот о купцах и промышленниках лугового, левобережного Саратова, приютившегося на стыке Волги и Саратовки в период 1617—1674 годов, есть довольно многочисленные и разнообразные сведения. Уже в 1623 году московский купец Федот Котов, следовавший с царской казной в Персию и посетивший Саратов, отметил, что «на Саратове город стоит на луговой стороне... а за городом стрельецкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов запасы». Очевидно, это приметы купеческого промысла. Саратовскому воеводе Феофилатьеву предписано было в 1634 году «с саратовских торговых людей и сосед и подсоседников с их животов и торгов» собрать деньги для выплаты жалованья «государевым ратным людям». В окладную роспись посадских людей было внесено 83 человека, из коих 32 числились собственниками лавок и рыбных промыслов, то есть купцами.

Постоянно конфликтуя с монастырскими рыбными ватагами, вылавливавшими по всей Волге рыбу «безоборочно» для монастырей, саратовские служивые и купеческие люди добились в 1658 году пожалования от царя Алексея Михайловича: получили право ловить рыбу «под городом и от города вверх и вниз на пять вёрст безоборочно, и впредь тех рыбных ловель, которые

отданы саратовским жилацким людям, никому на откуп отдавать не велено».

Большой урон торгово-промышленной деятельности на Нижней Волге наносили воровские казаки. Не один десяток мирных, беззащитных торговых людей и их сотоварищей, помощников и приказчиков был ограблен и утоплен «лихими казачками», самым лихим из которых был Стенька Разин.

Тем не менее во второй половине XVII века Саратов вместе с Царицыном, Малыковкой, Балаковым, Камышином и другими поволжскими поселениями стал важнейшим в России центром рыбного предпринимательства. Здесь имелись десятки крупных казённых, монастырских и купеческих промыслов и множество мелких. Отсюда в центральную Россию, да и за границу, отправлялись водным и гужевым путём десятки и сотни тысяч пудов красной рыбы, икры и иных рыбных товаров.

Впрочем, рыба была не единственной, хотя и главной, статьёй коммерции. Бороздили реку и струги, тяжело гружённые восточными, из Персии и Индии, товарами: пряностями, сладостями, изюмом, миндалём, орехом, шёлком, парчой, бархатом, красками, драгоценными камнями и изделиями из них, доспехами и оружием. Вниз, к Астрахани, везли хлеб, шерстяную и полотняную одежду, зеркала, топоры, ножи, шубы, холст, крашенину, деревянную посуду. Особо ценным товаром в низовьях Волги был лес.

Пожалуй, наиболее известными в эту пору волжскими купцами-предпринимателями, деятельность которых захватывала и Саратов, были братья Калмыковы во главе со старшим — Климом. Начавшись ещё во времена левобережного Саратова, деятельность их продолжалась вплоть до XVIII века. Братья Калмыковы брали крупные подряды от казны на ежегодную поставку рыбы (в первую очередь), хлеба, соли, вина в первопрестольную и другие города России. Они держали большой штат приказчиков, подъячих и прочих служащих в своих многочисленных конторах по городам и

весьма. Там же находились и их промыслы, лабазы, амбары, гребные струги, снасти, постоянно обслуживаемые наёмными ватагами и артелями бурлаков, грузчиков, кормщиков, водоливов и прочих работных людей. Были они — за немногим исключением для квалифицированных и доверенных рабочих — беспаспортные сходцы с выразительными прозвищами: Обрубок, Гора, Молчун, Губастый, Щука, Кобель, Плешивый, Пензяк, Татарин, Горчичник, Барин, Малахай.

Указы Петра I — налоговой политикой, выгодными контрактами с казной, образованием и просвещением деловых людей, суровыми наказаниями обмана и нечестности — оживили торгово-предпринимательскую деятельность в России, а среди них был и очень пришедшийся по сердцу русским купцам: он предписывал работным людям и бурлакам, поступившим к купцам в навигацию, «от врагов и разбойников оборонять хозяев, и не токмо до смертного убийства, но и до грабежа не допускать. А извозчикам и ямщикам на сухом пути по сему же поступать». Эта мера существенно помогала купцам в защите от разбоя на дорогах, хотя полнотой его, понятно, не пресекала.

В первой половине XVIII века зародился соляной промысел, много способствовавший росту и развитию города и края. Центром соледобычи с 1747 года стало Эльтонское озеро. Годом раньше комиссия во главе с полковником Н. Ф. Чемодуровым обследовала озеро, сочла тамошнюю соль годной «к экономической потребности без всякой опасности и повреждений», почему сия соль «в пищу и к солению мяса и рыбы полезна имеет быть».

И началось... Проложены два сухопутных тракта от озера — до слободы Покровской, выросшей на противоположном Саратову волжском берегу, и до слободы Николаевской, напротив Камышина. Построены вместительные амбары для приёма и хранения соли, доставлены весы и расчётные книги, наняты малороссийские чумаки с лошадьми и подводами для извоза. Были пере-

валочные и солемольные службы и в Саратове — грудились они по-над волжским берегом вдоль грязной скособоченной прибрежной улицы с шутливым названием Миллионная. Красочно описывает её Константин Федин в рассказе «Старик»:

«Миллионная скрипела телегами, оглоблями, деревянными шестерёнками соляных мельниц, петлями и засовами лабазных ворот. Здесь гуляла прохлада, строения громоздились друг на друга, из ворот в ворота тянуло сквозняком, сквозняки несли с собой тяжёлый дух пакли, канатов, лежалой соли. Соль хрустела под ногами, под колёсами телег, скрежетала и посвистывала в жерновах, и в соляном хрусте, в деревянных скрипах глухо охали человеческие голоса, понукавшие лошадей на мельницах».

Сформировалось купечество, интерес которого сосредоточился на добыче соли и извозе её. В Саратове открылось соляное комиссариатство (потом — соляная низовая контора) — оно поставляло и продавало соль на огромной территории, охватившей 16 впоследствии созданных российских губерний! Стали брать соляные подряды саратовские купцы-рыбопромышленники и даже дворяне. Из первых назовём купцов Бабушкина, Прянишникова, Мещанинова, Квасникова, из вторых — действовавших через подставных лиц князей Гагариных, Голицыных, Трубецких. Соляная контора развернула широчайшую деятельность — ведь помимо добычи и извоза нужного всей России продукта приходилось обеспечивать солевозчиков привозным хлебом, фуражом, дёгтем, смолой для заправки фур. К концу XVIII века Эльтонский соляной промысел вовлёк в работу многие тысячи людей, став одной из самых доходных сфер деятельности поволжских коммерсантов и промышленников. Саратовское купечество играло в нём ключевую роль.

К этому времени относится и появление третьей — по счёту, но не по важности — статьи сугубо саратовского предпринимательства — хлебной торговли. Этому

способствовали успешное заселение края, освоение обширных пустующих плодородных земель сначала Правобережья, а потом и Левобережья. Насаждается дворянское и помещичье землевладение, сотни тысяч крепостных крестьян начинают возделывать поля, засевая их прежде всего зерновыми культурами. Вводятся в пользование целинные земли и прибывшими немецкими колонистами, приглашёнными сюда указом Екатерины II. В дальнейшем предприниматели и купцы из поволжских немцев будут играть весомую роль в местном обороте капиталов и товаров.

Утверждение пашенного земледелия и скотоводства усилится после подавления Пугачёвского восстания и образования Саратовского наместничества в 1781 году. Тогда же новому губернскому городу присваивается герб-щит, на котором «по голубому полю — три стерляди», символизирующие рыбные богатства края, предмет изначального саратовского промысла.

На первых порах выращенный хлеб предназначался для удовлетворения собственных нужд — ведь вплоть до девяностых годов XVIII века на базарах Саратова и губернии продавался привозной хлеб — «кулями и вразновеску». Но увеличение посевных площадей и рост урожайности постепенно превращали Саратовскую губернию из потребителя в производителя хлеба. Сеяли тогда больше «серые хлеба» — рожь, ячмень, овёс — до 75—80 процентов. Остальные площади занимали в конце XVIII века пшеницей (7 процентов), гречей, коноплей, льном, чечевицей, горохом. Выращивали также овощи, арбузы, дыни. Обычным, средним урожаем считался сам-3 или сам-4, то есть собранное зерно превышало посеянное в 3 или 4 раза. При хороших урожаях рожь, пшеница и овёс давали сам-5 или сам-6. С этой поры, с конца XVIII века, Саратовский край прочно занял одно из первых мест на юго-востоке России по вывозу хлеба на продажу — такое положение сохранилось и до наших дней. Это и породило здесь поколение купцов и предпринимателей, занятых хлеб-

ной торговлей, которая принесла Саратову широчайшую известность и славу.

К тому времени российское купечество уже разделилось по имущественному признаку. Манифестом Екатерины II от 17 марта 1775 года учреждены были три купеческие гильдии, принадлежность к которым зависела от объявленного каждым купцом капитала — «по совести». Члены купеческих гильдий освобождались от промысловых сборов, рекрутских повинностей, телесного наказания и подушной подати, которая была заменена отчислением одного процента от объявленного капитала. Уточнённое «Городовое положение» 1785 года относило купцов с капиталом свыше 10 тысяч рублей к первой гильдии, с капиталом 5—10 тысяч — ко второй и с капиталом 1—5 тысяч — к третьей гильдии. (В 1861 году третья гильдия была официально отменена.) Верхний слой купечества занял руководящее положение в городском магистрате и фактически определял местную социально-экономическую политику. Купцов первой гильдии на конец XVIII века в Саратове было 33, второй — 92 и третьей — 971, всего 1096 человек — самое многочисленное в городе сословие, превосходящее количественно такое же сословие губернских городов Казани, Козлова, Воронежа.

Нужно помнить, что саратовское предпринимательство было частью общероссийского и местные купцы имели совместный интерес с московскими, коломенскими, нижегородскими, астраханскими и другими промышленниками и торговцами. Ежегодные обороты каждой из таких совместных компаний достигали десятков тысяч рублей.

Бойкая хлебная торговля наложила отпечаток на быт и облик Саратова. В ближнем пригороде под Лысой горой махали крыльями ветряные мельницы. Выросли на узких улочках и пустырях, особенно вдоль берега и около Верхнего базара, крепкие, просторные и сухие купеческие лабазы и амбары: окованные ворота, пудовые замки, злые кобели на привязи, сторожа с коло-

тушками. Увеличилось число ломовых извозчиков — телеги и долгуши с мешками зерна и муки с утра до вечера сновали по улицам — от пристани к мельнице, от мельницы на базар, с базара — по обывательским жилищам. Всё больше судов, больших и малых, чалилось у пристаней. Артели грузчиков споро перетаскивали пятеричные мешки из необъятного нутра расшив к непрерывно подъезжавшим ломовикам.

Саратов не только продавал собственный хлеб, но и был крупным перевалочным пунктом. Прибывающие сюда рекой грузы — зерно, рыба, соль, промышленные товары — отправлялись обозами по губерниям и в обе столицы. А из деревень свозили грузы в город для отправки далее водой.

В первой половине XIX века всё большую весомость для экономики края приобретает маслобойный промысел — изготовление подсолнечного масла, олифы, жмыха из семян подсолнечника. Этот промысел приносил хороший доход, превосходящий временами хлебный бизнес. Как следствие — быстрый рост маслобойных фабрик, малых и примитивных, но давших основу для дальнейшего расширения и совершенствования дела.

Становление новых промыслов сочеталось с наращиванием традиционных, характерных не столько для Саратова, сколько для всего Поволжья и всей России: извоз леса, рыбы, соли, торговля мануфактурой, кожей, щепетильным и москательным товарами, продуктами животноводства, бахчеводства, ткацкого и сукнодельческого производства, винокурения и табаководства. Купеческое сословие пополнялось выходцами из других слоёв посадского населения: ремесленников, бобылей, пахотных солдат, казаков, мещан, многие из которых, занимаясь сначала мелочной торговлей, по мере накопления капиталов стремились перейти в купцы.

С начала XIX века в России получает большое распространение ярмарочная торговля. В Саратовском крае она была очень популярна, но значение местных ярмарок не выходило за пределы губернии, а подчас и

уезда. Саратов ежегодно устраивал две такие ярмарки — Введенскую в июле и Покровскую в октябре. Торговали на них больше привозными промышленными и здешними продовольственными «крестьянскими» товарами.

Одновременно набирала силу и размах более надёжная — стационарная форма торговли: в постоянно действующих гостиных дворах, торговых рядах, магазинах и лавках, хорошо обустроенных. Саратов торопливо ими обзаводился. В 1811 году был выстроен каменный гостиный двор — защита от пожаров, часто пожиривших деревянные лавки со всем их содержимым. Открылся новый базар — Верхний, сделавшийся вскоре центром хлебной торговли, отчего и нарекли занимаемую базаром площадь Хлебной. Ассортимент товаров, благодаря всё более оживлённому обмену с другими губерниями, неуклонно расширяется: здесь и «колониальные» товары, и всякая мануфактура, и меха, и посуда, и умопомрачительное разнообразие «горянского», москательного товара, товаров «в дом» или «на коня» и прочая и прочая. А в 1830 году саратовский купец Дмитрий Максимович Вакуров открыл на Московской улице, против Троицкого собора, первую книжную лавку. При безграмотности основной части населения то было заведомо убыточное дело — дохода на книжной торговле купец не получил, что, видимо, заранее понимал, но всё-таки вёз книги в Саратов, влекомый подспудной страстью к просветительству. А вообще-то, имел Дмитрий Максимович галантерейную торговлю, был уважаемым в городе человеком, выбирался городским головой.

Столь же популярной фигурой в Саратове был первогильдийный купец Хрисанф Иванович Образцов (1774—1847). Занимался он соляным и лесным извозами, торговал хлебом, нажил немалый капитал и щедро тратил доходы на богоугодные дела. На его средства построены были церкви, приюты, убежища.

Дом Х. И. Образцова. Московская улица, угол Вознесенской
K. I. Obrastsov's house. At the corner of Moskovskaya and
Vosnesenskaya Streets
Ch. I. Obraszows Wohnhaus. Moskowskajastr, ecke Wosnessenskajastr.
Maison K. I. Obrastsov
Rue Moskovskaïa, coin de Vosnessenskaïa

Из саратовских купцов первой половины XIX века упомянем ещё Петра Фёдоровича Тюльпина (1789—1859). Состояние он нажил, строя, перепродавая и сдавая внаём дома, — их у него имелось несколько десятков. Пётр Фёдорович сделал крупное пожертвование на устройство колокольни при Новом соборе. Состоял он также губернским попечителем о тюрьмах и детских приютах и, преуспев на этой ниве, был пожалован званием почётного гражданина Саратова.

Конечно, не все саратовские купцы были такими вот ангелами и щедрыми меценатами, любили детей и Бога, позабыв про корысть. Далекое это не так — холодный

расчёт, безжалостность и жестокость к конкурентам, а то и страсть к «мухлеванию» и, несомненно, жадность — качества обыкновенные среди купечества. Но случилось же, однако... И примеры тому есть и в ранней, и в поздней истории Саратова.

Мощнейший толчок к развитию предпринимательства дали освободительные реформы Александра II. Технически переоснащаются традиционные отрасли саратовского предпринимательства — мукомольная, маслобойная, рыбная, что позволяет резко нарастить объёмы торгово-коммерческой деятельности. Вдоль Волги один за другим вырастают двадцатисажённые корпуса мельниц, обустроенных паровыми двигателями: Зейферта — в 1865 году, Бореля — в 1876 году, Рейнеке и Шмидта — в 1879 году. Саратов по производству муки уверенно выходит на первое место в империи. Растут числом и совершенствуют производство маслобойные фабрики. Старейшая из них, купца Александра Ивановича Шумилина, становится ведущей в производстве подсолнечного масла и олифы на всей Нижней и Средней Волге. Уходит в прошлое бурлачество — расшивы и беляны уступают реку пароходам — пассажирским, грузовым, буксирным, катерам. Меняется облик Волги, меняется и характер торгово-промышленной деятельности, с нею связанной. Значительный рост оборота товаров и капиталов порождает необходимость регулирующей системы — в 1882 году организуется купеческая биржа, открываются в Саратове банки, облегчающие купечеству получение кредитов и производство взаиморасчётов. Возникают новые предприятия, в корне перестраиваются ранее прозябавшие — множится число заказчиков на продукцию чугунолитейного завода известной купчихи Анны Васильевны Чирихиной, создаётся машиностроительный завод Беринга, проволочно-гвоздильное предприятие Гантке.

Невиданные ранее возможности появляются у купечества с открытием Рязано-Уральской железной дороги. Саратов теперь надёжно и круглогодично связан с основ-

ными российскими промышленными центрами, кончается его зависимость от капризов волжской навигации и архаичности гужевой доставки грузов.

Учреждает в Саратове собственную контору фирма братьев Нобель, и в огромные наливные баки на волжском берегу в Улешах перекачивают керосин, нефть, мазут из барж, прибывающих от бакинских промыслов. В немецкой колонии Сарепта близ Царицына налаживается производство лёгкой и практичной хлопчатобумажной ткани — сарпинки, ею занимаются крупные саратовские предприниматели Бендер, Степанов, братья Шмидт.

Обновляющееся производство требует квалифицированных работников: техников по обслуживанию машин и механизмов, рабочих к станкам, технологов, счетоводов, кассиров, управляющих. И в Саратове открываются Александровское ремесленное училище, техническое училище, коммерческое училище — все они призваны восполнять нехватку специалистов на заводах, фабриках, судах, мельницах, в мастерских и конторах.

Саратовское предпринимательство всё сильнее включается в общероссийский и даже европейский рынки. Купеческие магазины и торговые дома чаще и чаще предлагают «к услугам г. г. покупателей» не какие-нибудь «дрова березовые и дубовые» или «варительные самовары о трёх отсеках», а вполне современную и технически сложную продукцию, нередко — от известных московских, петербургских, варшавских, берлинских и парижских поставщиков: чулочно-вязальные машины «Тевтония», «из лучших лучших» велосипеды „Ровер“ и „Вандерер“, нефтяные и газогенераторные двигатели Гамиль-Акроид, оборудование маслобойных и винокуренных заводов от представительства «Фельзер» в Риге, предметов дамской и детской гигиены московского фармацевтического товарищества «Р. Келлер и К^о», стулья, гарнитуры и качалки «Венской фабрики гнутой буковой мебели» и многое, многое другое, чему сегодня можно только позавидовать.

К концу XIX века преобразуется и традиционный облик купечества. На смену грузным и бородатым, сметливым, но необразованным мужикам, облачённым в сапоги, мятый сюртук и фуражечку с лакированным козырьком, отменно здоровым и часто невоздержанным в еде-питье и выражениях приходят вполне цивилизованные господа со знанием законов коммерции, юриспруденции, а то и иностранных языков, в дорогих суконных тройках и цилиндрах, при визитных карточках и чековых книжках. Жилища их — не толстенные срубы за высокими заборами, с засовами и хрипящими волкодавами на цепях, с образами в красном углу и геранью на подоконнике, а уютные просторные особняки с телефоном, электричеством, с библиотеками и картинами в золочёных рамах, представляющими отечественную и зарубежную живопись.

Такие особняки появляются в начале XX века на Никольской, Соборной, Армянской, Гимназической, Большой Казачьей и других улицах Саратова — недвижимая собственность «мучных королей» Шмидтов, Рейнеке, Борелей, «мануфактурщиков» Шерстобитова, Агафонова, Сатова, «пароходчиков» Репина и Дашковского, «маслобойщиков» Шумилина и Скворцова, лесопромышленников Селиванова и Горина и иных именитых и богатых. Правда, нет-нет да поворачивалась фортуна спиной к предпринимателю: прогорел было, в буквальном смысле, Борель, но сумел оправиться, стал банкротом из-за аварии парохода Горин, залихорадило с обмелением Волги Дашковского, но такова купеческая жизнь.

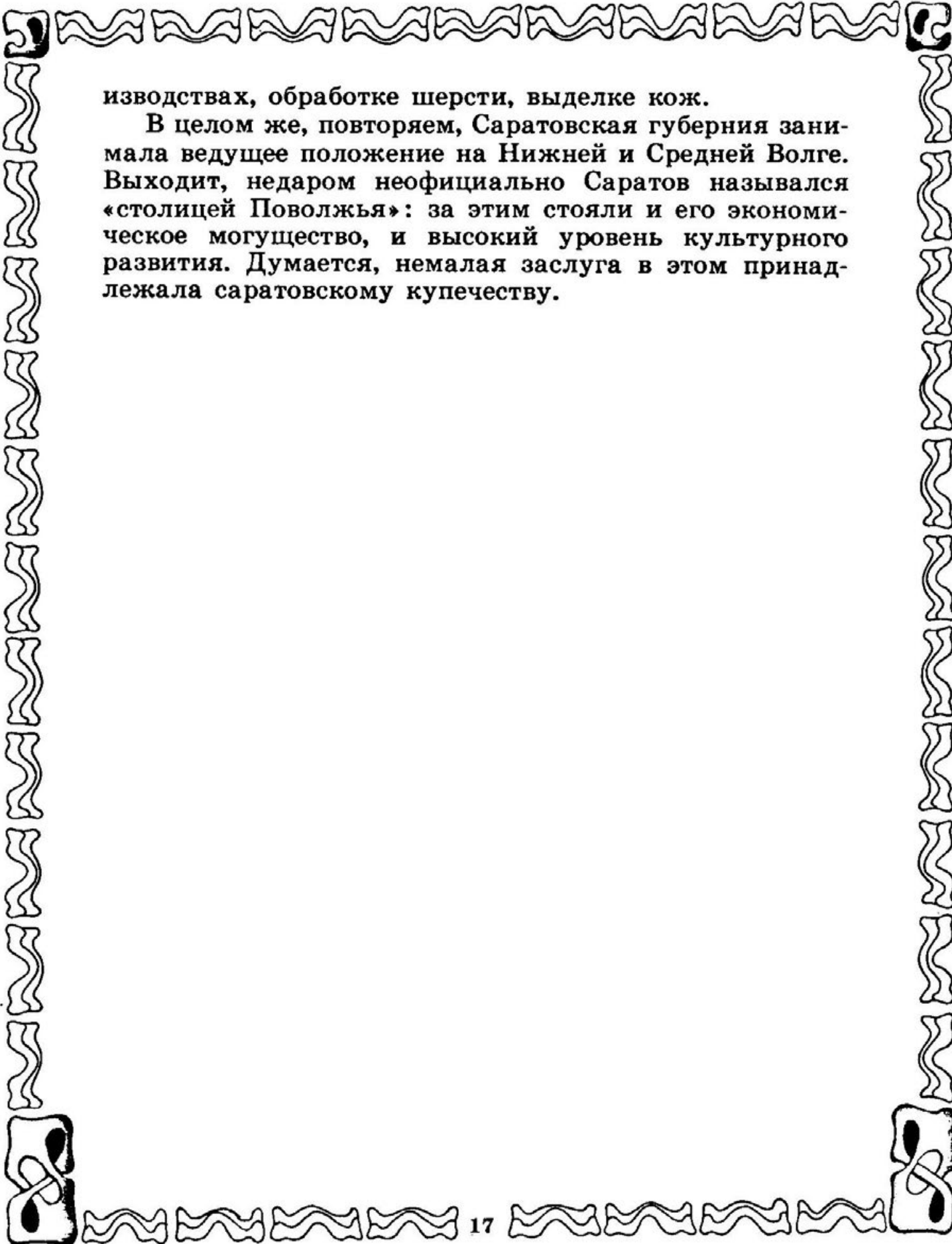
Не всегда складывались отношения у предпринимателей и с рабочими. Саратовские газеты, случалось, пестрели сообщениями о забастовках, о выставленных требованиях. Правда, рано или поздно трудности преодолевались, недовольство спадало, рабочие возвращались в цеха. Но опять — до поры до времени. Повторим — такова купеческая жизнь!

Трудно охватить всё разнообразие купеческих дел —

до того много тут начинаний, проблем, результатов. Эта тема, конечно, нуждается в более основательных и систематических исследованиях. Нам же осталось сообщить некоторые данные о месте саратовского предпринимательства в ряду поволжских губерний и общероссийской торгово-промышленной деятельности. Их мы приводим по состоянию на 1900 год, используя сведения, почерпнутые из шестого тома Полного географического описания нашего Отечества «Россия» — настольной и дорожной книги для русских людей.

Так вот, Саратовская губерния по стоимости всей произведённой на её территории продукции уверенно занимала первое место среди пяти губерний Нижнего и Среднего Поволжья — это ещё Астраханская, Самарская, Симбирская и Казанская губернии — правда, в иной, чем теперешняя, территориальной конфигурации. Саратов выработал сырья, товаров и продуктов на общую сумму 37,9 миллиона рублей. Стоявшая на втором месте Самара дала 23,2 миллиона — в полтора с лишним раза меньше! Львиная доля в этом показателе принадлежит сфере «обработки питательных продуктов» — это 25 миллионов рублей, в том числе мукомольное производство — 19,6, маслостойное — 2,8, винокуренное — около 1 миллиона. Заметим, что мукомольное производство Нижнего и Среднего Поволжья, с общей суммой 60 миллионов рублей, составило пятую часть всего общероссийского. Совсем немало, ведь в России были крупные хлеботородные зоны: Украина, Малороссия, Дон, Центральный чернозёмный район, Кубань, Приуралье.

Значительная доля в общем показателе по Саратовской губернии принадлежала лесопильному производству — 2,4 миллиона рублей — больше, чем в любой иной на Волге. Лидировала наша губерния также в выпуске сарпинки — 1 миллион рублей и в химическом производстве (поташ, купорос, краски) — 0,74 миллиона. Но уступала другим губерниям в кирпичном, стекольном, машиностроительном и механическом про-

изводствах, обработке шерсти, выделке кож.

В целом же, повторяем, Саратовская губерния занимала ведущее положение на Нижней и Средней Волге. Выходит, не даром неофициально Саратов назывался «столицей Поволжья»: за этим стояли и его экономическое могущество, и высокий уровень культурного развития. Думается, немалая заслуга в этом принадлежала саратовскому купечеству.

Мучные короли Саратова

Мукомолы Шмидты

Первыми среди мучных королей Саратова были Шмидты — известность их простиралась далеко за пределы губернии и Поволжья, доходя до российских столиц и даже до крупных европейских центров. Сорт муки «2-я голубая», производимый на обеих паровых мельницах Шмидтов, был признан в качестве лучшей основы для первоклассной кондитерской и булочной выпечки самыми уважаемыми хлебопекарными заведениями Москвы, Петербурга, многих губернских и уездных городов. Это был продукт тончайшего помола, получаемый из твёрдых саратовских пшениц с использованием особой технологии, принятой лишь на шмидтовских мельницах и обеспечиваемой новейшим сложным оборудованием и высококвалифицированным персоналом мельниц. Учитывались при этом передовые научные достижения (информация добывалась через своих столичных и зарубежных агентов) и вековой народный опыт, накопленный поколениями русских и немецких мукомолов, трудившихся в Поволжье — давней хлебной житнице России.

Кто же они, мукомолы Шмидты, те, кого называли

мучными королями и первыми богатеями Саратова, владельцы мельниц и торгового дома, собственники фешенебельных особняков, загородных резиденций, малого грузового речного флота, яхт, рысаков, автомобилей, купцы-миллионеры, умелые предприниматели, достойно поддерживавшие славу России как мировой хлебной державы?

Шмидт — популярная немецкая фамилия, английский аналог её — Смит, что переводится как «кузнец». Надо полагать, Шмидтов и Смитов так же много среди немцев и англичан, как много у нас Кузнецовых и Ковалёвых. И в Саратове было несколько совершенно независимых Шмидтов. Среди них — аптекарь, врач, адвокат. Но самыми известными были, конечно, мукомолы...

Предки их — немецкие колонисты, приехавшие в Поволжье по указу Екатерины II. Первые известные нам мукомолы Шмидты в Саратове были правнуками первопоселенца, начинавшего трудную жизнь колониста в волжских краях в 1760-х годах. Они уже несколько обрусели, начали называть себя по имени-отчеству — на русский манер, хотя вере лютеранской не изменили и немецкий язык использовали в общении с выходцами из Германии.

Наиболее известны из них братья Андрей и Пётр Ивановичи Шмидты, уроженцы села Усть-Золихи Камышинского уезда, радением которых в 1879 году была сооружена паровая мельница на волжском берегу у истоков Кабановского, а впоследствии Вольского взвоза. Тогда же были выстроены и добротные каменные зерновые склады на Большой Сергиевской улице (позже — улица Чернышевского), ныне вместившие Саратовский ликёро-водочный завод.

К тому времени Андрей и Пётр Ивановичи были уже зрелыми людьми — обоим было под шестьдесят, и нажитый капитал и опыт позволяли им расширять и совершенствовать дело, которое начали они давно — ещё в 1840-х годах, при ветряных мельницах, на первых порах имея небольшой оборот и не столь уж многочис-

Большая паровая мельница Шмидтов.
Вольская улица близ Волги

Schmid's big steam mill, Volskaya Street not far from the Volga

Schmidts große Dampfmühle. Wolskajastr. dicht an der Wolga

Grand moulin à vapeur des Schmidt.
Rue Volskaïa, non loin de la Volga

ленную клиентуру в Царицынском и Камышинском уездах. Основательность Шмидтов, аккуратность в работе и расчётах, своевременное и качественное исполнение заказов принесли им добрую славу мукомолов, а с нею и прибыли, позволившие перебраться в Саратов и в 1870-х годах построить себе вместительный каменный дом на углу Армянской улицы и Соборной площади — около Нового Собора.

Первые паровые мельницы были сооружены в Саратове в 1865 году — Зейфертом и Уваровым, а в 1876 году

открыл свою мельницу Э. И. Борель. Все эти мельницы, достаточно хорошо оснащённые и производительные, работали на всю мощь, когда энергичные Шмидты вознамерились потеснить конкурентов на мучном рынке Саратова, самом большом и высокодоходном в Поволжье.

Не смущаясь авторитетом соперников, дружные братья споро начали дело, сразу же заявив о себе как о толковых специалистах и расчётливых дельцах. Успех сопутствовал Шмидтам, и настолько, что вскоре один из конкурентов, И. И. Зейферт, сдался на милость победителей: он просто-напросто продал собственную мельницу более удачливым и предприимчивым братьям. Так в 1883 году Шмидты стали владельцами двух мельниц, одну из которых, собственную, начали называть Большой (она и впрямь больше по размерам), а другую, бывшую зейфертовскую, Малой. Размещалась последняя по линии Большой Сергиевской улицы на пересечении её с Новоузенской. Она и ныне на своём месте.

Братья Шмидты слыли дружными, жили в одном доме, всегда имели первостатейный интерес к делу, посвящая ему все дни и ночи. Во многом этот интерес и возобладал над остальными соображениями, когда решали они щекотливую для всех богатых людей проблему будущего наследства их капиталов, движимого и недвижимого имущества. А решалась она просто, как часто это тогда делалось: не мудрствуя лукаво, поженили неразлучные братья своих отпрысков, сделав мужем и женой двоюродных брата и сестру. Так на саратовском купеческом небосклоне появилась могущественная фигура — Пётр Петрович Шмидт (1845—1906), совладелец неразделённого богатства своего отца и дяди, дружно живших и дружно почивших в конце 1890-х годов. Последние годы перед кончиной делами они не занимались.

Брак оказался счастливым. Пётр Петрович и Амалия Андреевна имели 13 детей, из которых четверо братьев были основными продолжателями дела —

Фёдор, Отто, Иван и Владимир. Последний, правда, жил больше в Петербурге, выполняя там многие поручения могущественного саратовского торгового дома.

В начале самостоятельной деятельности, в ранге хозяина дела, Пётр Петрович с уже большой и продолжавшей увеличиваться семьёй занял прекрасный вместительный особняк с просторной усадьбой и службами на Никольской улице (ныне — Дом учителя), выстроенный примерно в 1895 году по индивидуальному проекту столичного архитектора.

При Петре Петровиче могущество и капиталы его предприятия увеличились. В 90-х годах «Торгово-промышленное товарищество бр. Шмидт в Саратове» имело основного капитала 3 миллиона рублей. Новые и новые рынки завоёвывала высококачественная мука, дело расширялось, росло число рабочих на мельницах, достигнув к 1904 году 530 человек — это большое по тем временам число. Начала создаваться собственная речная флотилия из грузовых пароходов и барж для извоза муки по волжскому бассейну. Она включала в 1890-х годах 4 парохода — «Мельник», «Иосиф», «Михаил» и «Колонист» — и до 40 непаровых судов, в том числе 25 крупных барж. Позднее товарищество имело 6 пароходов.

Дополнительный доход давала торговля сарпинкой. В Саратове и по уездным городам открылось много магазинов, где на потребу широкой публики, особенно из среднего и низшего сословий, была выставлена на продажу лёгкая прочная хлопчатобумажная ткань с немислимым изобилием расцветок и рисунков: и гладких, и в полоску, и в клетку, и в горошек. Из сарпинки шили рубашки, блузки, платья, летние сорочки и брюки. Ткань эта находила широчайшее применение и пользовалась огромным спросом.

Дети Петра Петровича, получив начальное образование с помощью домашних гувернёров, продолжили учёбу в Германии, в коммерческих учебных заведениях,

Отто Петрович Шмидт.
Совладение торгового дома и паровых мельниц
(около 1870—1919)

Otto Petrovich Schmidt. A joint owner of the firm and steam mills
(about 1870—1919)

Otto Petrowitsch Schmidt. Mitbesitzer des Kaufhauses und von
Dampfmühlen
(gegen 1870—1919)

Otto Pétrovitch Schmidt.
Coproprétaire de la maison et des moulins à vapeur
(à peu près 1870—1919)

и к началу 20 века вернулись в Саратов, будучи ещё совсем молодыми, но образованными, высококультурными людьми. И когда неожиданно, едва дожив до 60 лет, скончался их родитель, дело оказалось в надёжных руках наследников.

Четверо братьев, рождённые с 1870 по 1875 год, следуя семейной традиции, основали совместный торговый дом, разъехавшись, однако, по собственным жилищам. Старший, Фёдор, наследовал родительский дом на Никольской улице. Иван Петрович занял новый особняк на

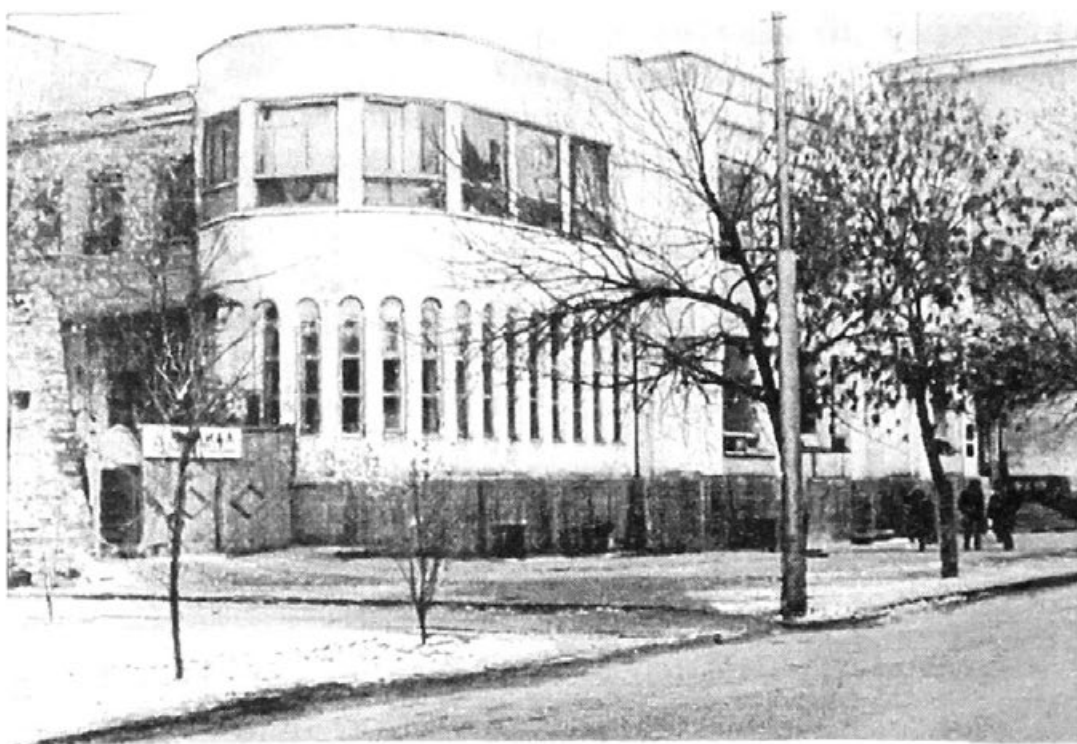

Особняк П. П. Шмидта, впоследствии наследован Ф. Шмидтом.
Никольская улица близ М. Сергиевской

P. P. Schmidt's house, later inherited by F. Schmidt. Nikolskaya
Street, not far from Sergievskaya

Einfamilienhaus von P. P. Schmidt, vererbt später von F. Schmidt.
Nikolskajastraße unweit der Malaja-Sergiewskajastr.

Hôtel de P. P. Schmidt plus tard de F. Schmidt.
Rue Nicolskaïa, près de celle de Serguéévskaiä

Особняк Отто Шмидта, перестроен в 1960-х гг.
Б. Кострижная ул. близ Александровской

Otto Schmidt's private house, rebuilt in the 60-s. B. Kostrizhnaya Street,
not far from Alexandrovskaya Street

Otto Schmidt's Einfamilienhaus. In 60-er umgebaut. Bolschaja
Kostritschnajastr. in der Nähe von d. Alexandrowskajastr.

Hôtel d'Otto Schmidt, reconstruit en 1960.
Rue G. Kostrižnaïa, près de la rue Alexandrovskaja

углу Соборной и Армянской улиц. Владимир в интересах дела на постоянное жительство перебрался в Петербург, периодически наезжая в Саратов. А Отто Петрович стал снимать второй этаж в доме Сатова на углу Царицынской и Александровской улиц. Впоследствии он выстроил себе роскошный особняк в мавританском стиле на Большой Кострижной улице (ныне Сакко и Ванцетти, 21) рядом с Александровской, но было это уже в 1916 году, так что пожить в нём практически не успел. Многочисленные сёстры их, числом девять, к этому вре-

мени были надёжно пристроены, имели свои семьи и дома в Саратове, Москве, Петербурге и других городах. Кстати, одна из них — Амалия — была замужем за представителем другого мукомольного клана — Рейнеке, давнего и жёсткого конкурента Шмидтов.

К 1910-м годам шмидтовские мельницы выпускали больше всех муки в Поволжье, и рост её производства был стабильным — ведь расширялись посевы зерновых культур, а главное — увеличивался урожай: столыпинская аграрная реформа начинала давать плоды. Именно поэтому хватало работы и другим саратовским мельницам: Рейнеке, Бореля, Скворцова, Степашкина, Богословского, а также уездным и волостным, рассеянным по губернии.

Производство на мельницах почти не знало сбоев — разве случался пожар или рабочие объявляли забастовку. Но у Шмидтов последнее бывало редко. Считалось, что работать у них — значит быть «как у Христа за пазухой». Здесь в среднем лучше платили, больше заботились о рабочих — предоставляли казённое жильё, проводили регулярные и бесплатные медицинские осмотры, оборудовали рабочие места посильными и возможными тогда удобствами: были там баки с кипячёной водой, комната для обеда и отдыха, электрическое освещение, вентиляция, обогрев. Рабочие по льготным ценам могли купить муку и хлеб в шмидтовских лавках, выплачивались вознаграждения к праздникам, на рождественские ёлки приглашались дети всех сотрудников и рабочих мельниц в главный шмидтовский дом на Никольской улице, где усилиями челяди и домашних готовилось весёлое представление, после которого всем ребятишкам вручались новогодние подарки — объёмистые пакеты с шоколадками, карамельками, леденцами. В торговом доме имелся фонд П. П. Шмидта на выплату ежегодных пособий вдовам и детям умерших работников.

Как и большинство богатых предпринимателей, Шмидты много средств тратили на благотворительную

Особняк Ивана Шмидта.
Угол Армянской и Соборной улиц

Ivan Schmidt's house at the corner of Armyanskaya and Sobornaya Streets

Iwan Schmidts Wohnhaus an der Kreuzung von Armjanskaja- und Sobornajastraßen

Hôtel d'Ivan Schmidt. Au coin des rues Armianskaïa et Sobornaïa

деятельность — содержали городские приюты, дома призрения, больницы. Повышенным их вниманием пользовались неимущие студенты и другие учащиеся, показавшие достаточно свои способности и желание к приобретению знаний. Шмидты персонально опекали многих студентов открывшегося в Саратове университета, слушателей Высших сельскохозяйственных курсов. Особое покровительство оказывалось, конечно же, лицам немецкой национальности. Пользовался их поддержкой, к примеру, студент Вагнер, отец будущего

учёного-математика, профессора Саратовского университета.

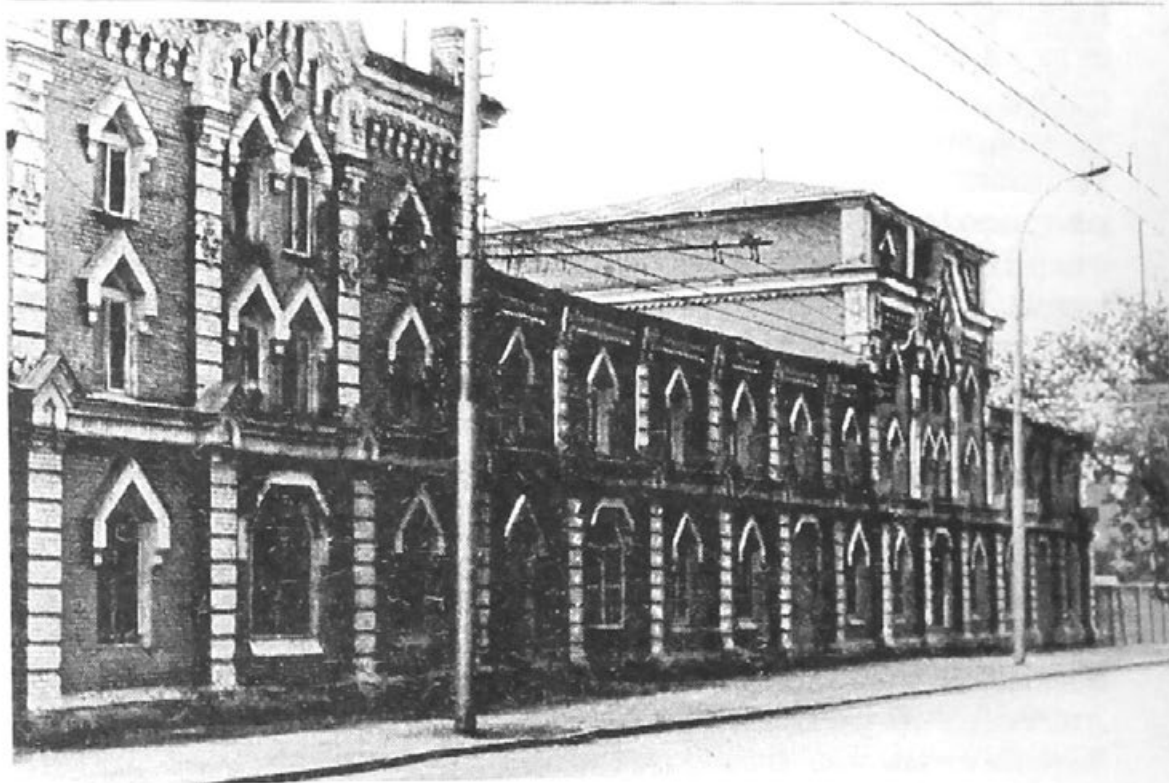
В домах Шмидтов был принят немецкий язык, начальным воспитанием занимались домашние учителя, старшие отпрыски учились в лучших саратовских училищах и гимназиях, а высшее образование ехали получать в Москву, Петербург, а то и в Германию.

Образцовый порядок и чистота господствовали в домах Шмидтов и на прилегающей территории — горничные в белых фартуках, трезвые и обстоятельные дворники и кучера, толковые распорядители. Немецкая пунктуальность, аккуратность и умеренность в быту — вовремя обед, вовремя ужин, прогулки, посещение лютеранской церкви, визиты в театры и на престижные городские мероприятия. Богатая, изысканная обстановка в домах — тяжёлые бархатные портьеры, дорогая мебель, массивные шкафы с тысячами книжных томов, инкрустированных золотом, антиквариат, хрустальная посуда, фирменное столовое серебро и изящно разрисованные столовые и чайные сервизы. Ковры, старинные диковинные часы, живопись и малые скульптуры. Натёртый паркет, тихо потрескивающие каминные выложенные причудливыми изразцами, бесшумные двери и большие витражи. Возможно ли такое теперь?

Да и снаружи особняки производили впечатление — добротные, прекрасно отделанные, с барельефами на фасаде, изваяниями львов на крыльце, гротом на дворовой стене, вычурными металлическими узорами навесов, балконов, флюгеров, уличной ограды.

Лето Шмидты, как правило, проводили на даче в Разбойщине. В начале нынешнего века там, в прохладной лиственной роще, поставлены были столь же добротные деревянные строения, позволявшие с привычными удобствами и комфортом проводить большой и дружной семье жаркие месяцы — июль и август. В основном постоянными обитателями дач были хозяйские женщины и дети, обслуживаемые и оберегаемые многочисленной челядью. Взрослая мужская половина с раннего

утра пропадала на мельницах, в банках, конторах, в отъездах за пределы губернии или города, неусыпно хлопоча о совершенствовании дела. Бывали и просветы — на дачу в изящных экипажах, запряжённых породистыми рысаками, а с 1912 года — в автомобилях, прикатывали хозяева торгового дома, дабы провести с семьёй день-два на свежем воздухе, в тенистой прохладе, рядом с детьми и спутницами жизни. Здесь были все условия для хорошего отдыха — гамаки, качели, крокет, купание в недалёком ухоженном пруду, прогулки по лесу, где в изобилии росли грибы и ягоды, катание в миниатюрных экипажах, запряжённых пони, приём многочисленных гостей — друзей Шмидтов: вид-

Мучные и зерновые склады братьев Шмидтов
Flour und corn storehouses of the Schmidts
Mehl- und Kornlagerräume von Gebrüdern Schmidt
Dépôts de farine et de blé des frères Schmidt

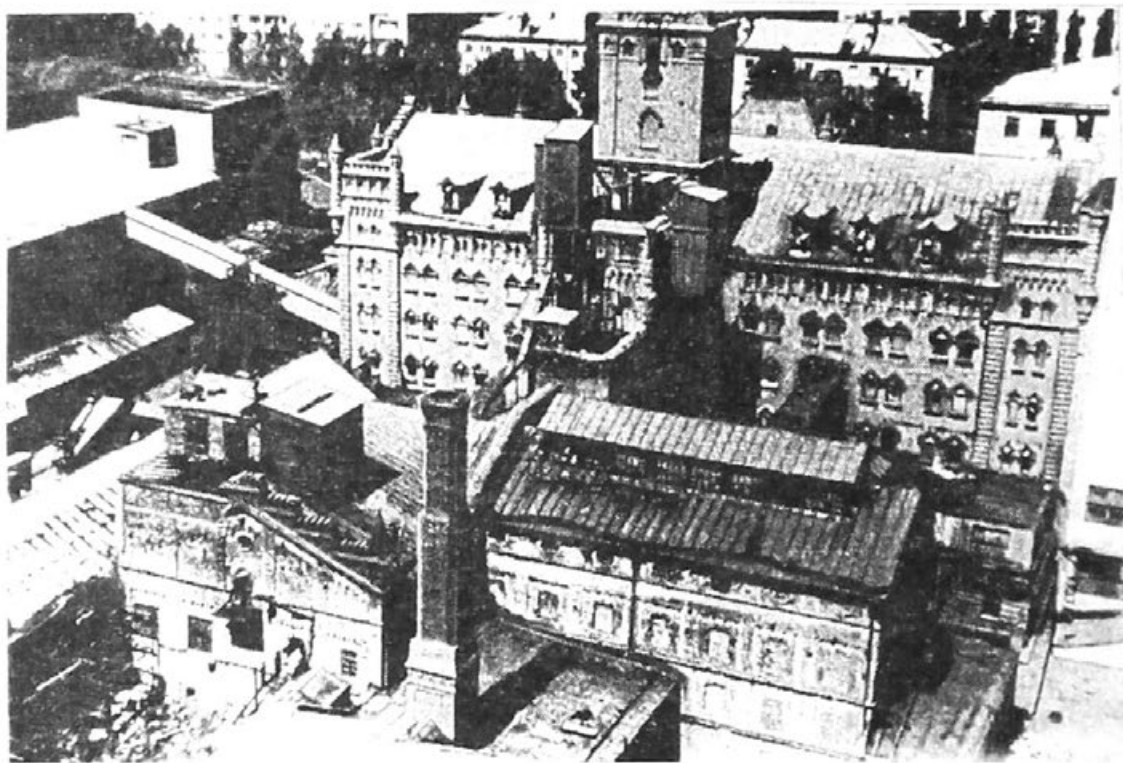
ных саратовских архитекторов, священнослужителей, адвокатов, врачей.

С началом первой мировой войны в Саратове, как и во всей России, усилились антинемецкие настроения. Подозревали всех крупных предпринимателей-немцев в тайных связях с Германией. Под давлением национал-патриотического крыла Городская Дума вынесла решение о переименовании Немецкой улицы; его, правда, не утвердил губернатор. В местной прессе всё чаще муссировались слухи о готовящихся изменнических акциях и вредительстве.

В этих условиях Шмидты вели себя достойно. Они гласно и резко осудили правительство Германии, развязавшее войну, заявили о своей полной лояльности России и её властям, сделали крупное пожертвование в фонд обороны, активно участвовали в поставках продовольствия, фуража и снаряжения для нужд русской армии. Многие молодые мужчины из могущественного клана, несмотря на очевидную возможность отсидеться за широкой родительской спиной, пошли на фронт — воевать за Россию. И делали это, как принято говорить, не щадя живота своего.

1917 год внёс трагичный поворот в судьбу каждого из братьев. Мельницы Шмидтов были национализированы, как и зерновые склады, и речной флот, и автомобили, и дачи. Началась кампания по уплотнению хозяев особняков. Под давлением таких обстоятельств все Шмидты собрались в старом фамильном доме на Никольской улице, где пребывали в непривычной стеснённости, мужественно перенося тяготы, до осени 1918 года. А дальше их всех разметала судьба — взрослых и детей, мужчин и женщин...

Фёдор Петрович сумел-таки выехать в Германию, где имел в банках какую-то часть средств. Но вложил их там в новое дело неудачно, потерпел убытки и в конце концов разорился. Его приютил давний знакомый, в прошлом щедро благодетельствованный Шмидтами в России.

Малая шмидтовская мельница (бывшая Зейферта).
Б. Сергиевская улица близ Новоузенской

Schmidt's small mill (former Seifert's). B. Sergievskaya Street,
near Novousenskaya

Kleinere Mühle Schmidts (fr. Besitzer — Seifert) in der Bolschaja-
Sergiewskajastraße unweit der Nowousenskajastr

Petit moulin des Schmidt (avant celui de Seifert).
Rue G. Sergueévskaja, près de Novohouzenskaïa

Отто Петрович не стал ждать в Саратове вызова в губернское ЧК по вопросу об утаённых богатствах, который тогда задавался всем «бывшим буржуям». Он скрылся из города и в конце концов оказался в белой армии Колчака. Есть свидетельство, что в 1919 году он погиб.

Иван Петрович сполна испил горькую чашу унижений, преследований, реквизиций и притеснений, оставшись в Саратове. Томился он некоторое время в местной

тюрьме, но был выпущен. Оставшись без имущества, средств, приличествующего жилья, он вынужден был наниматься на работу к новым хозяевам жизни. Но опять-таки как «бывшего» его нигде не принимали, и устроиться он смог лишь могильщиком на Немецком кладбище, где в тяжёлом труде провёл последние годы жизни и где был похоронен. Кладбище это не уцелело, значит, и могила Ивана Петровича — тоже.

Какой была участь остальных членов семейства Шмидтов, неизвестно. Вряд ли она была более радостной, чем описанные.

Когда говорят о прошлой славе России как мировой хлебной державы, то имеют в виду её природные богатства — тучные чернозёмы на необозримых пространствах. Имеют в виду тружеников-крестьян, умевших пахать, сеять и собирать урожай. Имеют в виду и честных цивилизованных предпринимателей и промышленников, превращавших зерно в муку, всегдашнюю основу хлеба насущного.

Таковыми предпринимателями были Шмидты.

Мукомолы Рейнеке

К началу XX века мукомольное дело в Саратове достигло невиданного размаха. В городе имелось 12 паровых мельниц, производящих сотни тысяч пудов высококачественной муки в день, что обеспечивало Саратовской губернии уверенное первенство во всей Российской империи. И если ведущими мукомолами в нашем крае считались Шмидты, то второе очень почётное место занимал в этой сфере предпринимательства «Торговый дом бр. Рейнеке». Вторыми они были и по числу занятых на мельнице рабочих: в 1904 году их насчитывалось 200 человек. К сожалению, сведения, которыми мы располагаем сегодня об этом клане, весьма скудны.

Основатели дела — наследники немецкого колониста Иоганна Рейнеке, прибывшего в Саратовский край в

41321-1

60-е годы XVIII века. Среди многочисленных Рейнеке, причастных к созданию торгового дома и возведению большой паровой мельницы на берегу Волги у Никольского взвоза, чаще упоминаются братья Иван и Кондратий Кондратьевичи Рейнеке. К моменту основания в 1879 году братья располагали уже солидным капиталом, накопленным успешной коммерческой деятельностью вне Саратова. Об этом говорит тот факт, что в короткий срок была возведена братьями огромная мельница, оснащённая по последнему слову техники, близ неё покупается вместительный дом на Большой Сергиевской улице, служивший долгое время конторой и жилищем, а вскоре сооружается в Саратове ещё ряд добротных каменных зданий, в том числе — зерновые и мучные склады на Александровской улице около земской больницы. Склады эти прекрасно сохранились и до сих пор выполняют свои изначальные функции, поражая их современных владельцев хорошим состоянием и прочностью, заложенными при устройстве.

Мельница Рейнеке сразу заработала на полные обороты, став вровень с новой мельницей братьев Шмидтов и потеснив остальные, работавшие в Саратове и ранее. Продукция нового торгового дома быстро нашла клиентов, и мучные лавки Рейнеке на Верхнем базаре и по уездам губернии не знали отбоя от покупателей. Мука шла к потребителю и в тяжёлых пятеричных мешках из холста, и в аккуратненьких «пудовичках» из белого полотна с фирменным клеймом и продавалась фунтами в мелкую розницу. Мука с мельницы Рейнеке отличалась высоким качеством — впрочем, как и с иных саратовских мукомольных предприятий. Свидетельство тому — международное признание: в 1897 году на выставке в Стокгольме золотые медали за лучшие образцы мучной продукции получили торговые дома Шмидтов, Рейнеке и Скворцова.

Производство муки и мучная торговля были главными статьями предпринимательства Рейнеке, но, как часто тогда бывало, занимались они и другими видами

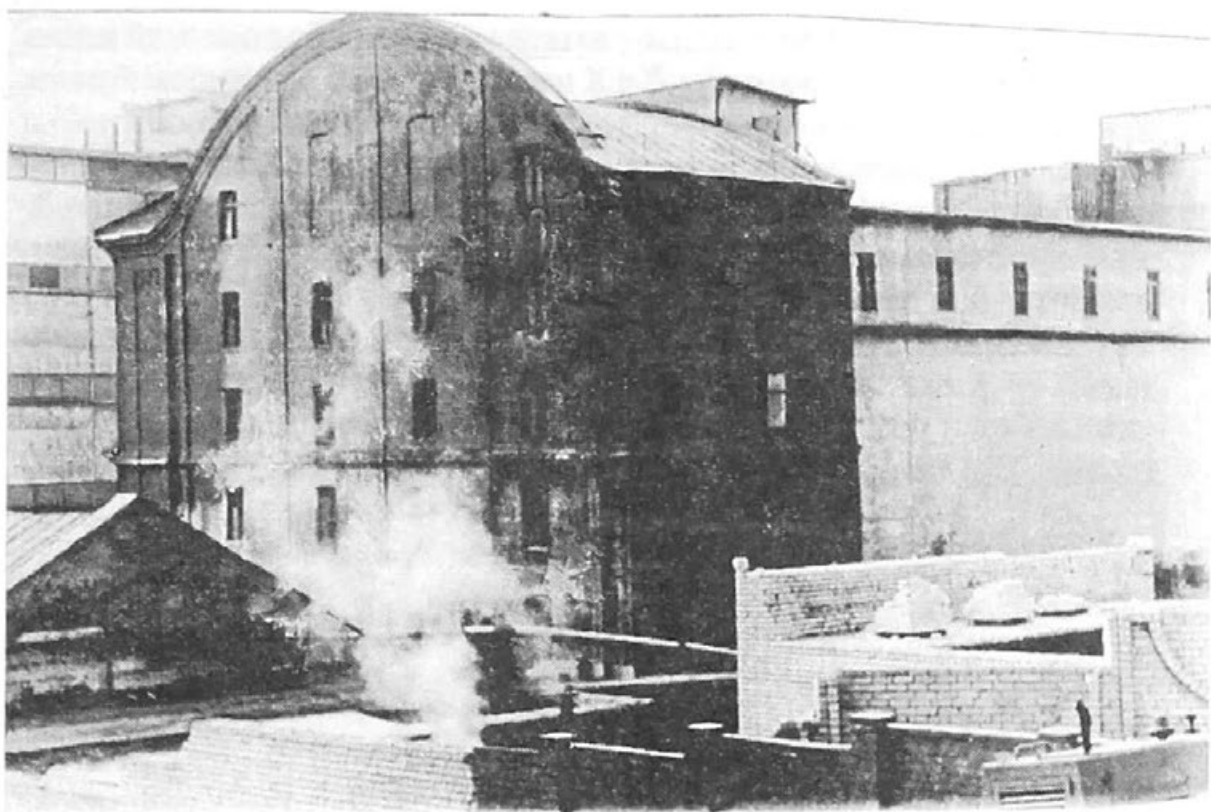

**Кондратий Кондратьевич Рейнеке.
Основатель торгового дома
(1842 — около 1900)**

**Kondraty Kondratyevich Reineke, the founder of the firm
(1842 — about 1900)**

**Kondraty Kondratyevich Reineke, the founder of the firm
(1842— about 1900)**

**Condraty C. Reineke
Fondateur de la maison de commerce
(1842 — à peu près 1900)**

Паровая мукомольная мельница Рейнеке.
Б. Сергиевская улица близ Никольской

Reineke's steam mill. B. Sergievskaya Street near Nikolskaya

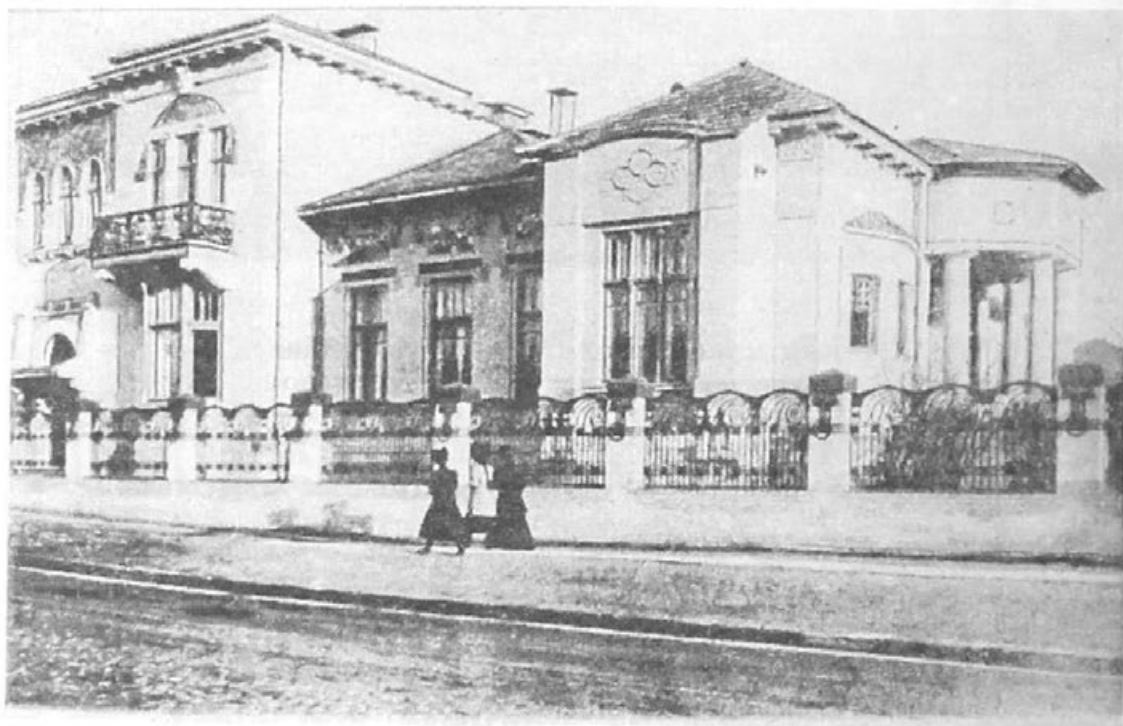
Dampfmühle von Reineke in der Bolschaja-Sergiewskajastr. unweit der
Nikolskajastraße

Moulin à vapeur de Reineke.
Rue G. Serguéevskaïa, près de Nikolskaïa

бизнеса. В частности, их торговый дом поставлял в Саратовскую губернию от именитых российских и зарубежных фирм земледельческие машины и орудия. Склад их одно время находился в доме Скворцова на Московской улице.

Поражает число зданий, принадлежавших Рейнеке в Саратове. В основном это жилые дома членов большой и разветвлённой династии, связанных близкими и дальними родственными узлами между собой и с другими по-

пулярными купеческими семьями. Кондратий Рейнеке, оказавшийся к концу XIX века после смерти брата Ивана и выдела его наследников основным хозяином дела, по некоторым данным, имел 10 детей. Большинство — сыновья, ставшие в начале 20 века полноправными членами торгового дома: Арнольд, Артур, Владимир, Александр, Кондратий-младший и Константин. В разных изданиях и в разное время называются различные рейнековские адреса: Провиантская улица, Никольская угол Малой Сергиевской, Ильинская, Московская, Вольская, Александровская, Большая Сергиев-

Особняк К. К. Рейнеке.
Соборная улица, за Липками

K. K. Reineke's house. Sobornaya Street, behind the "Lipki"

Einfamilienhaus K. K. Reinekes. Sobornajastraße hinter dem
„Lipki“-Garten

Hôtel de C. Reineke.
Rue Sobornaïa, derrière les Lipky

ская улицы. Из наиболее приметных упомянем принадлежавший Рейнеке дом на углу Малой Сергиевской и Вольской, ставший с 1903 года резиденцией саратовских губернаторов (первым обитателем его был Пётр Аркадьевич Столыпин), далее — здание на Александровской улице против городского театра, ставшее впоследствии пристанищем «Торгового дома Э. И. Борель» (ныне — старый корпус юридического института), дом на Большой Сергиевской — красивое оригинальное сооружение с шестигранником-мезонином, ранее принадлежавшее преуспевавшему саратовскому купцу Ф. С. Никитину, по-уличному Кабанову.

Но самым примечательным из зданий Рейнеке является изысканный и добротный особняк за Липками на Соборной улице. Примечательность эта и в необычной архитектуре особняка, и в причастности к его созданию выдающегося русского архитектора Фёдора Осиповича Шехтеля.

Последнее предположение основывается на разительном сходстве рейнековского здания с особняком Рябушинского в Москве, автором проекта которого был Шехтель. Предоставим слово саратовскому архитектору А. Муште, рассказывающему об этом доме в 3-м выпуске сборника «Годы и люди» (Приволжское книжное издательство, 1988): «Особняк Рейнеке занимает особое место в том архитектурном наследии, которое оставила нашему городу эпоха модерна. Это здание без натяжек можно отнести к лучшим образцам отечественной архитектуры начала века. И хотя отсутствуют документы, подтверждающие авторство Шехтеля, существует очень много свидетельств, говорящих в его пользу... Индивидуальный почерк Шехтеля легко узнаётся на всех уровнях — «от эквилиберной асимметрии» пространственного построения до цветофактурных отношений на фасадах и рисунка ограды...»

Остаётся добавить, что владельцем дома значился Константин Кондратьевич Рейнеке, а возводился он в 1908—1912 годах на месте домика Никольского, по-

следнего пристанища Чернышевского.

Константин Кондратьевич родился в 1867 году в Петербурге. Там же он окончил в 1885 году частное коммерческое училище, состоял членом Калашниковской хлебной биржи. В начале XX века появился в Саратове, был избран в местное биржевое общество. Женился он на своей двоюродной сестре — такое часто практиковалось среди именитых немецких предпринимателей — дочери покойного Ивана Кондратьевича Рейнеке Марии и имел от неё сыновей Арно и Бруно и дочь Берту. Был Константин Кондратьевич членом педагогического совета 2-й женской гимназии (Куфельд), членом исполнительной береговой комиссии, членом комиссии по расквартированию войск, старшиной биржевого комитета и нес многие другие общественные обязанности.

Знакомство семейства Рейнеке с Шехтелем прослеживается через одного из братьев — Арнольда Кондратьевича, жившего в Петербурге и вращавшегося в кругах, близких к архитектору. Помимо всего прочего, их могла сблизить причастность к Саратову — ведь архитектор провёл своё детство в нашем городе. Арнольд Кондратьевич занимался в основном в столице делами своего торгового дома — общероссийская и европейская конъюнктура, технические усовершенствования, банковские операции, столичные поставщики и заказчики, но известны и его театральные пристрастия. В 1908 году он открыл в Петербурге собственный драматический театр, к работе которого сумел привлечь выдающихся деятелей культуры — художника Н. К. Рериха, режиссёров А. Ч. Таирова, К. Н. Незлобина.

Особняк Рейнеке многое может рассказать о вкусах хозяев. Если взглянуть на редкостное внутреннее и внешнее совершенство и великолепие сооружения и его деталей, очевидно, что вкусы эти взыскательны и утончённы. Библиотека-холл, каминный зал, музыкальный салон, гостиная, керамическое убранство фасада, вы-

Дом Рейнеке (бывший Никитина) и контора торгового дома.
Б. Сергиевская улица близ Никольской

Reineke's house (former Nikitin's) and the office of the firm.
B. Sergievskaya Street near Nikolskaya Street

Wohnhaus Reinekes u. Kaufhauskontor (fr. Besitzer — Nikitin).
Bolschaja-Sergijewskaja-Straße unweit der Nikolskajastr.

Maison de Reineke (avant de Nikitine) bureau de la maison de
commerce. Rue G. Sergueévskaja, près de Nikolskaïa

полненное в лучшей в то время российской мастерской. А чего стоят лепной орнамент или ограда, отделяющая дворовую территорию от улицы!

Да, семья Рейнеке была сказочно богата, и жизнь их являлась во многом типичной для людей их уровня и достатка. Жизненные блага и удобства, комфорт, изысканное питание (на завтрак подавались ананасы), прекрасное воспитание и образование, все условия для от-

дыха, но при этом — никакой праздности, постоянно напряжённая работа хозяев дела, вечная нацеленность на получение прибыли, на нейтрализацию всевозможных угроз и опасностей в бушующем море предпринимательства. Ведь мельница Рейнеке горела, а рабочие не раз объявляли забастовку, требуя повышения зарплат... А то срывались фрахты судов из-за обмеления Волги... А то падала цена на муку в столице... А то неурожай... Эпидемия...

Чтобы избежать неприятных последствий таких бедствий и трудностей, нужно было быть опытным и хладнокровным предпринимателем, видящим ситуацию в развитии на много ходов вперёд.

Но не чужды им были человеческие слабости и всевозможные земные пристрастия. «Саратовский листок» № 49 за 1909 год сообщал: «Братья Артур и Владимир Рейнеке приобрели американского рысака чистой породы за 18 тысяч рублей». Рейнеке много тратили на себя и на свои удовольствия, но не забывали, однако, давать деньги на благотворительные акции: хорошо известны их пожертвования на больницы, школы, очистку волжского берега, благоустройство церквей и другие добрые дела.

С началом германской войны годные к строевой службе мужчины из семейства пошли воевать за Россию — как большинство поволжских немцев. Известен случай: молодой офицер, обитатель прекрасного особняка за Липками, возвратился домой с фронта в связи с трагическим событием — умерла после неудачных родов его жена. Очевидно, это был сын Константина Кондратьевича. Видела дожившая до наших времён жительница Саратова Магдалина Ивановна Черкасова, как выкатывали из рейнековских ворот траурные дроги, за которыми, опустив непокрытую голову и положив руку на крышку гроба, шёл молодой офицер. Это был 1916 год, и главная трагедия была уже близко...

И когда она настала, мельницы, склады, имущество,

особняки Рейнеке были национализированы. О самих же хозяевах никакого упоминания в послереволюционные годы найти пока не удалось. По некоторым косвенным данным, в начале 1918 года Рейнеке покинули Саратов...

Удастся ли когда-нибудь отыскать их следы?

Мукомолы Борели

Не менее популярными фигурами среди мукомолов Саратова и Поволжья были Борели.

По неточным сведениям, происходят они будто бы от пленных французов, оказавшихся волею судьбы в наших краях в 1812 году: основатель дела Эмануил Иванович был сыном военнопленного, оставшегося в России и занявшегося помолом зерна в селе Нижняя Добринка Царицынского уезда. Дело у него спорилось, и в 1848 году была основана мукомольная фирма «Эмануил Борель» — к этому времени мельницу родителя наследовал его старший предприимчивый сын. Обновив и усовершенствовав отцовское производство, он сумел впоследствии сколотить капитал, достаточный для сооружения в Саратове собственной большой паровой мельницы на 45 лошадиных сил. Было это в 1876 году. Мельница Бореля сразу же заняла ведущее положение в мукомольном деле, и позже лишь могущественные Шмидты смогли поколебать её первенство, однако она сохранила за собой достаточно твёрдые позиции, позволявшие вместе с фирмой Рейнеке слыть процветающим и авторитетным предприятием.

«Торговый дом Эмануил Борель» в начале 1880-х годов разместился в перекупленном у Рейнеке двухэтажном здании на углу Царицынской и Александровской улиц. Было оно неотделанным, но по мере роста доходов новых хозяев находились средства его реконструировать и украсить: к концу 1880-х годов был надстроен третий этаж, парадная сторона отделана глазурован-

особняки Рейнеке были национализированы. О самих же хозяевах никакого упоминания в послереволюционные годы найти пока не удалось. По некоторым косвенным данным, в начале 1918 года Рейнеке покинули Саратов...

Удастся ли когда-нибудь отыскать их следы?

Мукомолы Борели

Не менее популярными фигурами среди мукомолов Саратова и Поволжья были Борели.

По неточным сведениям, происходят они будто бы от пленных французов, оказавшихся волею судьбы в наших краях в 1812 году: основатель дела Эмануил Иванович был сыном военнопленного, оставшегося в России и занявшегося помолом зерна в селе Нижняя Добринка Царицынского уезда. Дело у него спорилось, и в 1848 году была основана мукомольная фирма «Эмануил Борель» — к этому времени мельницу родителя наследовал его старший предприимчивый сын. Обновив и усовершенствовав отцовское производство, он сумел впоследствии сколотить капитал, достаточный для сооружения в Саратове собственной большой паровой мельницы на 45 лошадиных сил. Было это в 1876 году. Мельница Бореля сразу же заняла ведущее положение в мукомольном деле, и позже лишь могущественные Шмидты смогли поколебать её первенство, однако она сохранила за собой достаточно твёрдые позиции, позволявшие вместе с фирмой Рейнеке слыть процветающим и авторитетным предприятием.

«Торговый дом Эмануил Борель» в начале 1880-х годов разместился в перекупленном у Рейнеке двухэтажном здании на углу Царицынской и Александровской улиц. Было оно неотделанным, но по мере роста доходов новых хозяев находились средства его реконструировать и украсить: к концу 1880-х годов был надстроен третий этаж, парадная сторона отделана глазурован-

ным кирпичом и украшена красивыми барельефами. Здание по праву стало архитектурной достопримечательностью города. Теперь здесь — корпус юридического института.

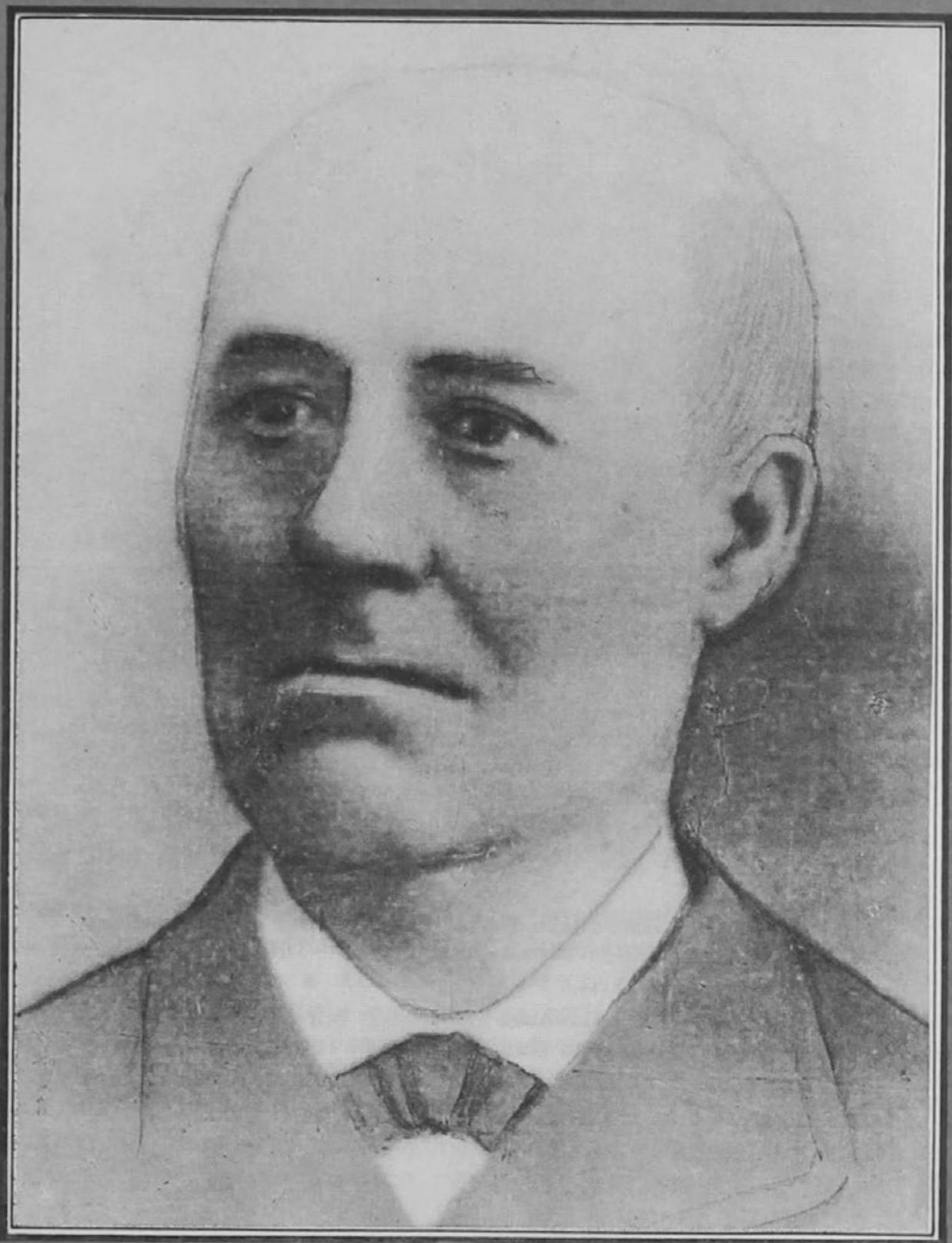
Это вместительное сооружение дало пристанище для солидной фирмы «А. Эрлангер и К^о», поставлявшей в Саратов сельскохозяйственные орудия и материалы, она выплачивала хозяину дома немалый процент со своего оборота за удобное расположение в центре города. В дополнение к этому, в начале XX века в доме Бореля расположился, тоже за немалую мзду, Северный банк.

Эмануил Иванович Борель испытал все тяготы предпринимательского бремени — потери от неурожаев, падения цен, рабочих забастовок. Самым чувствительным испытанием был большой пожар 1901 года, принесший мельнице огромные убытки. Но Борель сумел от них оправиться, реконструировал мельницу — была введена, в частности, автоматическая подача зерна, — и жернова вновь закрутились. После реконструкции мельница вырабатывала 11 тысяч пудов муки в сутки. При ней был построен элеватор на 1,5 миллиона пудов зерна. Рабочих на всех службах трудилось до 180 человек. Кроме того, на торговый дом работали обновлённая мельница в Нижней Добринке и мельница в Новых Бурасах.

При Саратовской мельнице Бореля открылся медицинский приёмный покой и действовала школа — для детей и самих рабочих.

В 1905 году Эмануил Иванович Борель умер — ему было около 80 лет. Наследовали родительское дело сыновья Эмануил, Иван, Владимир и младшие Александр и Константин. Не обо всех братьях мы располагаем сведениями. В большей мере известны обстоятельства жизни первых двух.

Основные обязанности главы торгового дома принял на себя Эмануил Эмануилович. Видимо, он был старшим из братьев. Родился он в 1862 году, учился в Саратовской гимназии, но курса почему-то не кончил.

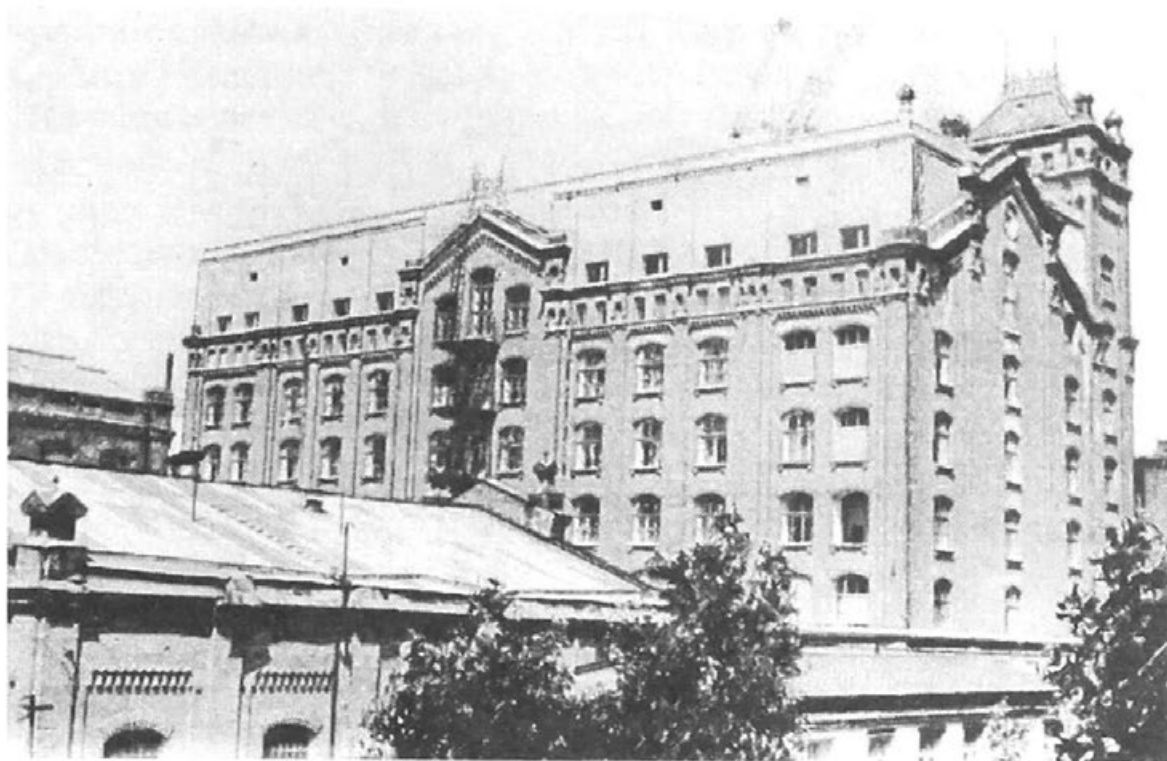

**Эмануил Иванович Борель.
Основатель торгового дома
(около 1825—1905)**

**Emanuil Ivanovich Borell. The founder of the firm
(about 1825—1905)**

**Emmanuil Iwanowitsch Borell. Der Gründer der bekannten
Handelsfirma (gegen 1825—1905)**

**Emmanuel Ivanovitch Borel.
Fondateur de la maison de commerce
(à peu près 1825—1905)**

Паровая мукомольная мельница Бореля.
Между Б. Сергиевской и берегом Волги близ Б. Садовой

Borell's steam mill between B. Sergievskaya and the Volga, near
B. Sadovaya Street

Borells Dampfmühle zwischen Bolschaja Sergiewskajastr. und dem
Wolgaufer unweit der Bolschaja-Sadowaja-Straße.

Moulin à farine de Borel.
Entre la rue Sergueévskaja et la rivé de la Volga. Non loin de la rue
G. Sadovaïa

Имел, как водится, большую семью: жена Ксения Фёдоровна, 4 сыновей — Эмануил, Константин, Владимир, Виктор (родились в 1884—1891 годах) и дочь Эльза (1896 год). Жили они сначала в собственном доме на Константиновской улице, недалеко от Ильинской, а потом переехали в жилые апартаменты при главном здании — туда, где провёл последние 20 лет жизни его родитель. Эмануил Эмануилович был членом биржевого комитета, избирался гласным Городской Думы,

Особняк И. Э. Бореля.
Угол Гимназической и Армянской улиц

I. E. Borell's house. The corner of Gymnasicheskaya and
Armyanskaya Streets

Einfamilienhaus von I. E. Borell. Ecke Gymnasitscheskaja- und
Armjanskajastraßen

Hôtel de I. E. Borel. Coin des rues Gymnasitcheskaïa et Armianskaïa

состоял членом учётно-ссудного комитета при Саратовском отделении Государственного банка. Проявил он явные склонности к законотворческой и административной деятельности и успешно отстаивал и учитывал интересы своего торгового дома в упомянутых организациях. За полезную общественную деятельность удостоен трёх золотых медалей с надписью «За усердие» — на Станиславской, Аннинской и Владимирской лентах.

Иван Эмануилович жил до 1910 года на углу Ильинской и Белоглинской улиц (дом сохранился, в нём ныне

располагается отделение МВД Саратовского района — улица Чапаева, 17). А в 1910 году у домовладельца Карепанова купил добротный особняк на углу Гимназической и Армянской улиц (нынешний ЗАГС) — прекрасное творение неизвестного архитектора. Дом был выстроен в новомодном стиле модерн в 1901 году. Здесь провёл Иван Эмануилович счастливые семь лет, предшествовавшие глобальному российскому катаклизму.

Он был более, нежели его братья, склонен к общественной и благотворительной деятельности. Непремен-

Здание торгового дома Борелей.
Угол Царицынской и Александровской улиц

The building of the Borell's firm. The corner of Tsaritsynskaya and Alexandrovskaya Streets

Borells Kaufhaus. An der Kreuzung von Zarizynskaja- und Alexandrowskajastraßen

Maison de commerce des Borel.
Coin des rues Tsaritsinskaïa et Alexandrovskaiä

ный участник званых вечеров, благотворительных базаров, самодеятельных спектаклей в Коммерческом собрании, любитель рысистых состязаний на городском ипподроме, пропагандист нарождавшейся физкультуры, попечитель спортивных кружков и соревнований в гимназиях и училищах, организатор первого в Саратове общества велосипедистов... Не знаем, как другие братья, а Иван Эмануилович был открытый и общительный человек, что, в общем, несвойственно деловым людям, постоянно вынужденным быть себе на уме, сторониться шумных компаний и доверительных бесед... Известны его пожертвования на приюты, больницы, городское благоустройство — мощение улиц, установку фонарей, отвод сточных вод.

Великолепный снаружи особняк Бореля был великолепен и внутри: удобная планировка, свет, простор, уют. Электрическое освещение, все бытовые удобства, прекрасная мебель, дорогие картины и скульптуры из мрамора, ковры, гобелены и прочая и прочая, что мы выше уже описывали. Так тогда жили состоятельные люди.

Вместе с братьями Иван Эмануилович исчез из привычного им мира сразу после революции. Борели, как и Шмидты и Рейнеке, олицетворяли собой «презренный класс буржуев», незаконно нажившихся на страданиях трудового народа. Можно предположить обычную для той поры цепочку событий: реквизиция, национализация, утеснение, выявление недовольных, вызов в органы, допросы с пристрастием, заключение в тюрьму. Ну а далее... Сыну Ивана Эмануиловича Ивану Ивановичу тогда удалось избежать худшего. Но в 1937 году как «отпрыска бывших» его вспомнили и репрессировали. В Саратов он не вернулся.

Мукомол Скворцов

С полным правом к именитейшим саратовским мукомолам может быть отнесён Николай Васильевич Сквор-

цов, чья мельница на Астраханской улице, у Полтавской площади, по объёму и качеству продукции успешно соперничала с такими же заведениями Шмидтов, Рейнеке и Бореля.

Поставил Николай Васильевич свою мельницу в 1896 году — в дополнение к действовавшей в этом же районе города его маслобойной фабрике, так что предприниматель он был с размахом. Подтверждает это и перечень городов, где имел Скворцов разнообразные предприятия и торговлю: Петербург, Москва, Астрахань, Вольск, Балаково. Сохранившиеся документы упоминают скворцовские предприятия маслобойного профиля в Гуляеве и Леднёве, а сверх того — «экономии» — Хорошевская, Белглазинская, Фёдоровская. Под «экономией» надо понимать хозяйство, расположенное в сельской местности — поместье или усадьба, где производится сельскохозяйственная продукция.

Фёдоровская экономия находилась в деревне Фёдоровке Вольского уезда — там хозяйничал родной брат Николая Васильевича Иван, умерший в 1895 году, после чего попечителем экономии назначили Николая Васильевича Скворцова. При экономии имелись жилые и хозяйственные постройки, деревянные и каменные, много лошадей — жеребцы заводские, меринки выездные, жеребчики и матки, всего числом 27, рогатый скот — волы рабочие, коровы дойные общим числом 62, закрома с большим запасом пшеницы, ржи, овса — свыше 5000 пудов — и подсолнуха. Экономия приносила доход — на это указывает рассчитанный за 1898 год баланс, где прибыли явно превышают расходы.

Среди наследников умершего Ивана Васильевича названы его дети: Александр — студент Московского университета, 22 лет, и Надежда, слушательница фельдшерских курсов в Москве, 21 года. Лаконичная запись в объёмистом гроссбухе «Администрации Торгового дома Н. В. Скворцова в Саратове» проливает свет на некоторые штрихи биографии популярного саратовского присяжного поверенного, гласного Городской

Думы Александра Ивановича Скворцова, более известного как члена директората Саратовской консерватории и владельца прекрасного особняка с барельефом «сфинкса» на угловом фасаде, что стоит на углу Гимназической (потом Некрасова) и Введенской улиц (дом сохранился). Оказывается, Александр Иванович был племянником первогильдийского купца и собственником хорошо отлаженного хозяйства — Фёдоровской экономии. Теперь ясны его возможности, позволившие возвести в 1906 году столь дорогое и неординарное здание.

Николай Васильевич Скворцов родился в 1845 году в потомственно купеческой семье. Основная деятельность его в Саратове приходилась на середину 1890-х годов — начало 1900-х. Вплоть до 1918 года его мельница продолжала работать и приносить пользу и доход, но хозяин её примерно в 1908 году перебрался в Москву, откуда какой-то срок управлял своим сложным и многопрофильным, разбросанным по империи хозяйством. А в перечне членов биржевого общества за 1911 год вместо Н. В. Скворцова значатся его наследники: надо полагать, к указанному сроку он умер.

Жил он в Саратове на Московской улице в собственном доме. Дом этот (ныне сохранившийся под № 81), в квартале между Вольской и Александровской улицами, частично сдавался в аренду предпринимателям и учреждениям. Скворцову же принадлежал бывший дом Недошивина — на Большой Сергиевской улице недалеко от Сергиевской церкви. Интересы купца в Саратове после отъезда представляли его доверенное лицо на мельнице Леонтий Кочеганов, племянник Александр Иванович, а возможно, и брат Александр Васильевич Скворцов.

Высокий авторитет Скворцова в мире предпринимателей был подкреплён и международным признанием — дважды он удостоивался почётных призов за свою продукцию: в 1897 году получил серебряную медаль на Чикагской выставке за демонстрировавшиеся там

масличные культуры, а в 1900-м на Парижской — золотую медаль за экспонаты муки.

Продукция скворцовских фабрик была, скорее всего, обычной по ассортименту. Маслобойка вырабатывала растительные масла и колоб (олифа не производилась), а мельницы — широкий набор самой ходовой мучной продукции: манную крупу и девять сортов муки, различавшейся тонкостью помола и, очевидно, видом исходного сырья — сортом, типом пшеницы или ржи. Приведём эти сорта в порядке убывания тонкости помола и их стоимости: первый сорт голубая, первый сорт красная, второй сорт голубая, второй сорт красная, второй сорт чёрная, второй сорт чёрная с буквой «О», третий сорт чёрная, четвёртый сорт чёрная и пятый сорт чёрная. Пятипудовый мешок первосортной муки на рубеже веков стоил 9—11 рублей, а самого низкого сорта — 3—4 рубля.

Мельница Скворцова в Саратове была крупным предприятием. И хотя она уступала по объёму выработки главным своим конкурентам, тем не менее трудилось на ней более 100 человек — по тем временам немало: рабочие машинного отделения (машинисты, смазчики, кочегары, чистильщики котлов, кузнецы, слесаря), засыпщики, разборщики, дневальные, запасные рабочие, приказчики, мальчики, рабочие при лошадях. Интересны заработки. Самое высокое жалованье получали машинисты и кочегары — до 70 рублей в месяц. Далее в ведомости значатся слесаря и кузнецы — до 35 рублей, засыпщики — 25—35, разборщики — 23—25, маслёнщики — 15—18, обойщики — 14—19, дневальные — 18, запасные рабочие — 14—15, сторожа — 12—15, подростки — 7—8. Трудно сейчас в деталях описать обязанности каждой из перечисленных групп, но представить технологическую цепочку мельничного производства можно. Завозится зерно, сортируется, доводится до кондиции, засыпается в ёмкости, откуда поступает на мельничные жернова, мелется, далее следуют ссыпка муки, расфасовка, складирова-

ние, выдача заказчикам и перевозка в магазины и лавки для продажи. Очень ответственно было поддержание бесперебойной работы двигателей, вращавших жернова, — собственно, этим процессом и определялась производительность. Двигатель у Скворцова был паровой, мощностью 25 лошадиных сил. Обслуживали его 9 человек, все в числе наиболее высокооплачиваемых. Ещё больше получали приказчики — до 100 рублей в месяц, но они входили уже в административный персонал, занимаясь как завозом и приёмом зерна, так и отгрузкой мешков с мукой заказчикам, а также развозкой по скворцовским лавкам и магазинам для продажи всем желающим.

Каждая группа работников имела своё рабочее помещение. Опись имущества мельницы указывает: по машинному отделению — бак для нефти, сверлильный станок, резак, ключи разводные, тиски, дрели, винторезную машину и прочее механическое оборудование; по кузнице — кувалды, наковальни, тиски, меха, воротки; по мастерской — точило, рашпили, молотки, клещи; по собственно мельнице — тележки, рукав пожарный, бак, таз, вёдра; по отрубному амбару — коромысло, гири, насыпок, лоток, щуп; по мельничной лавке — конторка, прилавок, стол, сундук, опять коромысло, чашки, гири, счёты; по комнате приказчиков — стол, скамейка, часы стенные, вешалка, самовар, ручной мойник; по караулке у ворот — лампа, ковш, ведро, заслон печной, тулуп, топор, лопата. По этим предметам можно отчасти судить, кто и что делал на мельнице. Характерная деталь: в качестве неперемного наличного предмета в каждом помещении упомянута «икона в киоте» — обязательный атрибут предпринимательской деятельности. Воистину так: купцы и сами не плошали, но и на Бога надеялись!

Как и на всех крупных промышленных предприятиях, на мельнице Скворцова имелась фабричная лавка, отпускавшая в кредит продукты. Прежде всего, конечно, все виды собственного производства — манную

СОДЕРЖАНИЕ

Страницы истории	3
Мучные короли Саратова	18
На маслобойке Шумилина	56
Купеческое пароходство	67
Табачник Левкович	82
Отто Беринг и его завод	93
Отлито и отформовано в Саратове	105
Саратовская гвардия купеческая	118
Купец первой гильдии	177
Владелец Парусиновой рощи	185
Мануфактурщик средней руки	201
Присутствием определено	212
Храм коммерции	221
Банк банков	230
Городской Общественный банк	250
Общество мелкого кредита	258
Коммерческое собрание	265
Коммерческое училище и торговая школа	287
Мелкая торговля	295
Торговое пространство старого Саратова	304
Тщанием и иждивением	318
Как ушли саратовский нэп	328